

самъ складывать рѣчь онъ не могъ или не смѣлъ. «Нагнанный ли страхъ прежнимъ учителемъ (онъ уже учился прежде у лица духовнаго званія), недовѣріе ли къ самому себѣ, самолюбіе ли, неловкость ли положенія между мальчиками, ниже его, по его мнѣнію, или досада, что въ этомъ одномъ онъ сзади другихъ, что онъ уже разъ показаль себя въ дурномъ свѣтѣ учителю, оскорблена ли эта маленькая душа какимъ-нибудь неловкимъ словомъ, вырвавшимся у учителя, или все это вмѣстѣ—Богъ его знаетъ!—но эта стыдливость, ежели сама по себѣ и нехорошая черта, то навѣрно нераздѣльно связана со всѣмъ лучшимъ въ дѣтской душѣ его. Выбить это все палкой физической или моральной можно, но опасно, чтобы не выбить вмѣстѣ и драгоценныхъ качествъ, безъ которыхъ плохо придется учителю вести его дальше».

Толстой убѣдилъ новаго учителя спустить учениковъ съ лавокъ и позволить лѣзть, куда они хотятъ, и въ тотъ же урокъ всѣ стали рассказывать несравненно лучше, и въ дневникѣ учителя значилось, что «даже закоснѣлый Савинъ сказалъ нѣсколько словъ».

Метерлинкъ недавно говорилъ о «духѣ пчелинаго улья». 40 лѣтъ тому назадъ Толстой писалъ почти то же о «духѣ школы». «Есть въ школѣ что-то неопредѣленное, почти неподчиняющееся руководству учителя, что-то совершенно неизвѣстное въ наукѣ педагогики и вмѣстѣ съ тѣмъ составляющее сущность, успѣшность ученія,—это духъ школы. Этотъ духъ подчиненъ извѣстнымъ законамъ и отрицательному вліянію учителя, т.-е., что учитель долженъ избѣгать нѣкоторыхъ вещей для того, чтобы не уничтожить этотъ духъ... Духъ школы, напимѣръ, находится всегда въ обратномъ отношеніи къ принужденію и порядку школы, въ обратномъ отношеніи къ вмѣшательству учителя въ образъ мышленія учениковъ, въ прямомъ отношеніи къ числу учениковъ, въ обратномъ отношеніи къ продолжительности урока и т. п. Этотъ духъ школы есть что-то быстро сообщающееся